

Людмила
Моё Улицкая
настоящее

ИМЯ *Истории
с биографией*

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Улицкая: новые истории

Людмила Улицкая

**Моё настоящее имя.
Истории с биографией**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Улицкая Л. Е.

Моё настоящее имя. Истории с биографией / Л. Е. Улицкая —
«Издательство АСТ», 2022 — (Улицкая: новые истории)

ISBN 978-5-17-153632-9

Новая книга автобиографической прозы Людмилы Улицкой – это личный, глубоко интимный отчет о встрече человека с самим собой. Время, ограниченное настоящим, поскольку сам факт будущего подвергается сомнению. Мир, сжавшийся до размеров комнаты, где перечитываются книги, листаются страницы дневника, переживаются старые любви и дружбы. Эмоциональная память включает в себя многое, в том числе и черные дыры на месте дорогих людей, ушедших навсегда. И всё это материал, из которого созданы рассказы и мемуарные очерки, составившие эту книгу. Содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153632-9

© Улицкая Л. Е., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Моё настоящее имя	6
Об имени	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Людмила Улицкая

Моё настоящее имя. Истории с биографией

В оформлении переплета использована картина Андрея Красулина

Книга публикуется по соглашению с литературным агентством

ELKOST Intl.

© Улицкая Л. Е.

© Бондаренко А. Л., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Свое подлинное имя человеку дано узнать только после смерти, когда
ангел вкладывает ему в руку белый камень с его настоящим именем.*

Людмила Улицкая

* * *

*То, что мне казалось легким,
Оказалось очень сложным,
То, что мне казалось сложным,
Оказалось невозможным.
То, что было невозможным,
Посмотри – в моей руке!*

Моё настоящее имя

Об имени

вот я – какая из меня люся какая улицкая – не знаю кто...
на ладони будет белый камень с настоящим именем а паспортное будет
написано на сером камне на немецком кладбище где мама с бабушкой
а пока пусть будет псевдоним какой угодно и к этому ночная невнятная молитва
я не люся улицкая это какие-то чужие корябые как стекляшки звуки
особенно не людмила
откуда взялась людмила я знаю – когда я родилась мой шестнадцатилетний дядька витя
ухаживал за деревенской девочкой людмилой и он принес в дом это случайное имя
и его на меня налепили

и я так и не знаю своего настоящего
где-то мелькнула “евгения” в отчестве потом в фамилии второго моего мужа отца моих
сыновей
все там случайное как броуновское движение...

еще до того как я поссорилась с любимой биологией и еще не выросла из личиноч-
ной неосознанности еще болталась в первичном океане воспроизводства – бедная девочка
как несуразно и негармонично вырастает тело и не догоняет его душа – полжизни провела в
плену незыблемой и ложной идеи неперменного размножения продления себя... и только к
исходу лет начинается понимание того какое потемочное существование обещает первобыт-
ный бульон с кишением яйцеклеток и спермиев
и биология с которой я тогда еще не поссорилась
говорила настойчиво и безапелляционно – пора, пора, пора...
и уже шелковый лоскут образец узорчатой ткани с итальянской выставки лежит под
ногами и я стою на нем рядом с существом мужского пола и священник водит нас вокруг
маленького столика прикинувшегося на время аналоем и это действие называется венчанием
и это было со мной а не с кем другим и кусочек узорчатой ткани хоть сейчас могу достать
из комода и показать тогда мне казалось что постоять на узорчатом лоскуте и обойти вокруг
шаткого столика необходимое условие деторождения
тогда я была еще людмилой

востребовано природой было некое существо мужского пола для продолжения иллюзии
собственного пребывания и после выполнения этого природного задания —
родились двое детей с отцовской быстротой реакции ловким юмором несколько жеман-
ным жестом губ в смехе и с половинной долей моих наследственных черт разделенных причуд-
ливо и избирательно между обоими сыновьями: старшему сметливость и целеустремленность
младшему артистизм и способность плавать неизвестно где в его случае в музыке

не навек случился тот человек – на двенадцатилетие
а потом я ушла
из этого египта с праздником одиночества
и некоторой невесомости освобождения
с нулевой отметки начинается все новое

потом начинается новый узор жизни
нарисованный другим человеком с крепким и негнущимся именем
с безукоризненным движением рук умного без всякого напряжения эгоцентрика
с безошибочным глазом и природным равновесием здорового молодого животного
не тронутого сомнениями в своей полной состоятельности
оказывается изредка имя попадает в цель и не надо ждать иного подлинного

можно понемногу пить тихими вечерами
когда муж андрей уже свое отпил и отгулял
а я на старости лет догоняю до хорошего градуса под вечер
и ночью пишу слова а он за стенкой давно спит на чистом полу на бамбуковой циновке
совершенный в своем роде в полноте искренности и неозабоченности
таков какой есть и ничем иным не может и не хочет быть кроме как самим собой и все
это в движении карандаша-руки-плеча-камня и бумаги на которой и я означала дни и ночи
пока клавиатура не победила страшную белизну бумаги

происходит освобождение от старания от умения от намерения и тогда только тогда возникает это “сейчас-сейчас не вчера и не завтра” и девочка плачущая по серой кошке с которой ее насильно разлучили и возвращающийся в воркуту как будто на родину человек прозревающий в длинной дороге что никакой родины не бывает а есть только окно из которого видно первое дерево и веревка на которой сохнет под ветром ветхое белье раскидывая рукава и штанины и спит тело в теплушке забыв куда и зачем оно стремилось о чем мечтало на стыках рельс стонет вагон и летит неизвестно куда

Аминь

с этой сегодняшней ночи мне хочется писать только так
только так но этому нельзя научиться для этого надо разучиться...

мама запрещала называть бабушку иначе чем леночка – так маме хотелось сохранить ее молодость но сохранилась только фотография мы втроем сидим на круглоспинном диванчике молодая бабушка юная мама и я пятилетняя бабушке сорок восемь или около того много моложе чем я сегодня и сбоку видна лампа белая фарфоровая столбиком в лилово-розовых модерно-выдуманых цветах которая сейчас светит мне на подушку

крупная статная ширококостная большегрудая бабушка леночка с короткой шеей плотными ногами и хвостиком кудрявых волос подколотым на шее как тогда носили и в шляпе в ее старости я сама коротко стригла эти седеющие кудряшки и маму тоже стригла кудрявых стричь легко промахи ножниц не видны...

зубы прекрасные до старости и смех обнажающий ровный ряд “сплошных” как толстой придумал для вронского зубов

она хорошо смеялась особенно когда приходила к ней нездоровой толщины сестра соня тоже крупнозубая но у той еще были большие темно-красные ногти на толстых пальцах...

надо дарить девочкам подарки бабушкина сестра соня мне подарила вязаное платье малиново-лилового небывалого по тем простецким временам цвета – привезла после войны с рижского взморья я запомнила взлетающее слово взморье

в этом платье я постановочно обнимаю в фотоателье другую соню – прабабушку с отцовской стороны

на фотографии мне года три

как жаль что теперь фотографий почти не стало

телефоном снимают на минутку

никогда не остается на стене и в альбоме и вообще нигде никаких следов кроме как в облаке но туда мы не заглядываем

самая ранняя семейная фотография моего прапрадеда исаака хаимовича гинзбурга висит на стене на этой фотографии он старик в кипе следовательно даже если его и крестили когда брали в школу кантонистов то к старости он вернулся в лоно иудаизма после двадцати пяти лет солдатской службы

георгиевский крест который он получил за взятие плевны в 1878 году я в дошкольном возрасте вытасила во двор похвастаться и он ушел навсегда из дому...

молодых фотографий исаака нет и быть не могло – фотоателье еще не народились

с возрастом у евреев всегда путаница никогда не знали как мальчика записать на два года раньше или на три года позже

много софий в семье кроме этой прабабушки – еще мать моего деда якова которая жила в ленинграде в пятидесятых годах у своей дочери раи

она никогда не ела конфет а собирала их чтобы отправить в лагерь сыну якову моему деду не знаю доходили ли до него эти конфеты...

в конце жизни эта прабабушка соня жила на остоженке у своего внука сани ревзина одного из первых в стране лингвистов...

путаются эти семейные линии одни обрывки

еще была другая сонечка со сложным родством

тетка бабушки лены годами была младше племянницы

что бывает когда дочери уже начинают рожать а матери еще не кончили

эти племянница и тетка вышли замуж за двух братьев и прожили почти всю жизнь одной семьей в одной квартире

сонечка была высокого роста полногрудая на длинных ногах

немного сутулилась и домработница говорила у елены марковны фигура городская а у софьи львовны деревенская

фраза загадочная я бы сказала как раз наоборот

домработницы вербовались из бежавших от колхозов девчонок

у бабушки лены была своя формула жизни – новую домработницу отдавали в вечернюю школу где она заканчивала седьмой класс а потом выходила замуж за милиционера или домоуправа часто бывало лимитчика и взамен себя присылала из той же деревни младшую сестру либо соседскую девчонку и так далее

я помню четырех таких девочек

застолье на каляевской в большой столовой еще не разделенной пополам поперечной стеной при разрастании семьи было многолюдным

сколько человек собиралось за обедом ужином праздником на еврейскую пасху и на новый год: прадед хаим его сыновья боба и юлик невестки леночка и сонечка и их дети мируша витя и шурик

трое детей на две пары

при двух выросших мальчиках вити и шуры – две их русские жены тая и тамара

моя мама мируша со своим мужем моим отцом женой и я
мои двоюродные братья еще не родились получается двенадцать
двенадцатая я люся

за пасхальным столом правил мой прадед хаим
маленький беленький со слезящимися бледно-голубыми глазами он читал на незнакомом
языке стихи как мне казалось

это и были стихи из торы таинственный язык
и маца на пасху особый кусочек мацы (афикомон? или в этом роде) прятали а я его искала
находила и мне за него давали подарок-выкуп не помню точно какой
нет один подарок помню часы – дядя витя подговорил меня попросить в виде выкупа
часы

ты что с ума сошел – изумилась я – часы ясное дело не детская драгоценность но это был
заговор и я попросила часы

и прадед надел мне на руку часы в виде коробочки на кожаном тонком ремешке прадед
был часовщиком и собрал из разного старья такие часики которые в общем кое-как тикали

тикали недолго я вышла во двор стали играть в нечто вроде кругового волейбола один
мальчик прицелился и ловко бросил мяч прямо в часы они разлетелись и только коробочка на
ремешке осталась на моей семилетней руке а все пружинки и колесики высыпались на землю
вместе со стеклом

после моего рождения в нашей семье пошли мальчики только мальчики мои двоюродные
юра и гриша троюродный олег

потом у этих мальчиков еще четверо мальчиков плюс моих двое алеша и петя и у алеши
трое марк лукас и лаврик итого двенадцать мальчиков и после них одна девочка петина дочка
марьяна названная в память не дожившей до внуков моей мамы сильные были женщины в
семье

а пол определяется носителем Y-хромосомы то есть мужчиной
кажется у народов живущих в тяжелые военные времена всегда рождается больше маль-
чиков

только не в нашей семье

как я могла забыть и как важно что я вспомнила

когда отмечали еврейскую пасху в какой-то момент все подходили к входной двери

и приоткрывали ее чтобы ангел вошел

надо это проверить в последовании песаха

а то всё слова и слова

а здесь прекрасное действие – тихо входит ангел

за деньги покупают керосин и мороженое я точно знала

потому что мы с прадедом ходили в керосиновую лавку он с бидоном побольше а я с
маленьким

а потом мороженое покупали – всё за деньги

я еще не поняла что деньги нужны чтобы на столе стояла еда

но уже знала что деньги нужно давать в долг соседям

к бабушке ходили к маме ходили и ко мне когда выросла ходят одалживать

но я до сих пор не знаю в точности

что такое одалживать и занимать

в каком случае дают в каком берут

мы считаемся богатыми евреями и обычно даем

это роскошь богатства
позже пришло понимание что деньги нужны
для спасения жизни
а еще позже понимание что есть вещи
которые ни за какие деньги не купишь

а спустя еще какое-то время мне умные люди объяснили
что все жизненные проблемы
которые разрешаются “путем денег” —
вообще не проблемы а расходы

на этом месте сделала открытие
когда отдаешь в долг нельзя рассчитывать на то что вернут
потому надо давать ровно столько
сколько не жаль потерять
но давать не в долг а просто так мне нравится больше

денег я боюсь и не умею с ними обращаться
но они ко мне хорошо относятся
и всегда более или менее были есть и наверное будут – времени жизни уже меньше чем
денег
я люблю когда они есть в кармане

деньги дают некоторую прочность и уверенность
впрочем вполне ложную
да про разбитые часы
я пришла домой в великом горе зареванная
положила на стол остатки часов и пошла доплакивать
на бабушкин круглоспинный диванчик
там от слез и заснула
прадед часовщик почти слепой
вытащил длинную фарфоровую коробочку
в которой лежали тонкие железочки
поковырялся с ними и положил починенные часы на то же место
только трещинку на стекле не смог убрать
я проснулась – часы тикали
дед-то считался слепым
и я поняла как он всех обманывает
и потрясена была не столько ожившими часами
сколько вскрывшимся обманом:
деда, так ты не слепой
Аминь

я смутно знаю что будет потом —
немного моего “я” сохранится
но только лучшая отредактированная часть
остальное вычистится и отлетит как пыль
а внешне я останусь на себя прежнюю похожей
но тоже отредактированной

знаю что останется детское выражение лица
которое долго чуть ли не до конца на мне лежало
и руки кисти останутся
и свобода движения которая
только к старости во мне проснулась
обычно бывает наоборот
но меня неуклюжесть всяческая покидала с годами
как покидает меня теперь память на то
что произошло недавно
и по мере ее растворения улучшается слух
но только на музыку которую к старости стала слышать
а детские и женские высокие голоса хуже
всего воспринимаю
внук лаврик звонит каждый вечер
и писк его голоса не очень мне внятен

а может быть, без хронологии...

Прогулка в Тимирязевке

вот так отложив перо
от клавишей оторвавши пальцы
оставив узор как есть
зажатым в двойные пальцы
увидеть вдруг под собой мир
как космонавт Гагарин былой кумир...
душа не говорит словами ни с кем
ни с вами и ни с нами
лишь оговорками и снами
ведет свой тайный разговор
и всё про вздор про вздор про вздор
посылают еще сигнал который не понимаешь
и шлют еще повтор повтор
но стоит забор
через который ничего не перекидаешь...

доброе утро медленное как забытый сон
складываю буквы в слова
варю андрею суп
пишу письмо ем и пью
слова и слова до вечера
в перерывах смотрю на клен из спальни
и на липу из кабинета
от десяти до двенадцати одолевает слабость
потом до двух тутуола или хаджимурат
сон нейдет до четырех
считаю от одного до ста и обратно
сны важнее яви но не запоминаются
и снова доброе утро медленное как забытый сон

складываю буквы...

вот такие дорожные наблюдения —
прошла пять километров всего-то

вся страна тимиразевка
валежник сухостой гнилые пни
днем комарья тучи
вечером светляков огни
так было всегда —
прекрасные мы и злые они
в одном котле в одном говне

эти меньшие братки качаются в тимиразевке
а старшие братки живут на кипре у моря
где пирс чист и воздух душист
там кагебист здесь кагебист
в тимиразевке гниет палый лист
поваленные стволы беспризор безнадзор
кроты выглядывают из нор
это родина моя мой позор

тот гавел у которого не кадиллак самокат
а у кого кадиллак – скорей всего вор и кат

сложена как венера толстовата на наш вкус
ей бы сесть на диету гимнастический курс
для похудания спортивный контроль
сбросить вес доволен будет гермес

* * *

пришел денег одолжить захарка
сын юры моего покойного первого мужа
умершего в тридцать шесть лет
но я от него ушла лет за десять до его смерти
захарка мой крестник а юра крестился незадолго до смерти
мы были тогда в плену христианства
не могу сказать что очень сладком но притягательном
в двадцатые годы прошлого века
дети интеллигентных родителей
так точно вступали в комсомол
до беспартийности надо было дорасти

сколько-то лет тому назад иду по двору с катей
а навстречу люда
говорю знакомьтесь
это катя вторая жена моего первого мужа

а это люда пятая жена моего второго мужа
такая открылась формула в восьмидесятых
наши родители разводились иначе – насмерть

раннее утро в постели
сладкие часы никуда не спешу
карантинная свобода от дел
домоседство
но болит сердце по утрам
и днем болит тоже
но не замечаю по занятости
решила было все органы лечить
а сердце не лечить
потому что от сердца смерть быстрая
но я не предполагала что оно будет
так долго и нудно болеть
думала – раз и все
так нет ведь

никакой хронологии она закончилась окончательно

* * *

жизнь как круглое озеро
и все его берега одновременны
или как пуля пролетевшая
почти весь свой путь
и траектория клонится вниз вниз
а потом – бабах! – взрыв

* * *

иногда читать почти так же приятно как писать
сегодня экзотическое чтение —
два рассказа шолохова
юра фрейдин сказал что он хороший писатель
наверное
но больше не хочу про казаков и казачью жизнь
пожалуйста набокова в крайнем случае бунина
антропологию очень люблю
но про масаев тунгусов и австралопитеков
а не про казаков
они слишком близко громко и погромно
и тихий дон перечитывать не буду
много ему с его казаками чести

а вчера позвонил никита и сказал что юра фрейдин умер

он мой ровесник девять дней разница в возрасте

и женечка колесникова умерла в тот же день – ей было тридцать четыре

бабушка умерла хорошо в восемьдесят восемь лет
болела всего месяц наш семейный рак
мы с дядей витей попеременно сидели с ней
я днями а он ночами
в июне это было – ей принесли клубнику
и она сказала какая я счастливая мне старухе
дети приносят клубнику в июне
умерла дома отвезли в морг
а в гробу она лежала с приоткрытыми глазами
и с ужасно сшитыми темной ниткой губами
на вздохе умерла рот открыв
она была прекрасна в жизни
с неизменным и точным чувством
собственного достоинства

Аминь

коронавирус подвигается к нам
и последствия его непредсказуемы
и в любом случае никакого блага не принесет
но возможно выживший остаток
выйдет благоизменившимся (неологизм?)
будущее непредсказуемо как и прошлое
из которого мы сами отбираем что хотим
а чего не хотим отбрасываем
под утро полу-приснилось полу-пришло в голову
что надо написать вам дети мои
все что я знаю о своих предках

по еврейской библейской традиции
родословие ведут по мужской линии
“Авраам родил Исаака...” и так далее
но женское родословие надежнее —
женщина лучше знает
кто отец ее ребенка

моя мама выбрала себе имя сама
когда получала паспорт
назвалась заграничной марианной
за красоту и близость к имени мириам
которым ее назвали при рождении
дома ее звали мирочка мируша
она была птичьей хлопотливой породы
по-толстовски “не достаивала быть умной”
но обладала природным даром радоваться жизни
веселой энергией
и чувством молниеносного сострадания

странная мысль пришла мне в голову
вся семья ходит с какими-то надуманными именами
мама не марианна а мириам
бабушка наверняка не елена а как-то иначе
по-еврейски дед не борис а бейнус
прадед не ефим а хаим
даже дядя витя был наречен авигдором
но они-то хотя бы знали
как их звали по-настоящему

а я ношу свой псевдоним людмила
в честь людмилы княгини чешской
убитой своей невесткой
а настоящего имени своего не знаю

мне было лет девять
мы с мамой зашли
в сапожную мастерскую
где за старинной швейной машинкой для обуви
(была такая суперпрофессиональная
зингеровская – детали случайно застрявшие
всегда важнее тех
которые мы считаем значительными)
сидела бледная женщина лет сорока в черном халате
все знали всех – продавщица в булочной сапожник участковый милиционер все дяди и

тети

полудеревенская слободская жизнь
и правда рядом Новослободская
с трамваем до Савеловского вокзала...
тетку в черном халате мама назвала по имени-отчеству
но оно не отложилось в памяти
а разговор сохранился:
– что-то вы очень бледная... имя-отчество...
– все живот болит и болит и днем и ночью
извелась, Марианна Борисовна...
– так надо рентген сделать
приходите ко мне в институт
у нас хорошие рентгенологи...
а я засранка получаю в это время великий урок жизни
но еще не понимаю что это за урок:
стою и дуюсь – чтой-то мама эту чужую простую тетку
к себе в институт приглашает лечиться
не родственница не подруга а вроде домработницы
мамочка, я люблю тебя до сегодняшнего дня
и за этот разговор тоже
сорок шесть лет тому назад умерла...
ужасно рано в пятьдесят три
на гребне последней волны последней любви

Аминь

с детства мне хотелось быть лучше чем я есть
и порой совершала поступки
лучше тех на которые была способна по природе
наверное хотела нравиться
мне и сейчас нравится нравиться
но я улыбаюсь когда это за собой замечаю – детская черта

мои самые ранние воспоминания:
я только-только научилась ходить
мама говорила что я пошла рано в девять месяцев...
вот я иду с трудом без чувства большой уверенности
по домотканой дорожке по направлению к высокой этажерке
передо мной катится мяч
он раскрашен в четыре доли
одна точно красная другая синяя
мяч катится передо мной
я хочу его догнать но это трудно
я хочу прежде мяча дойти до этажерки
все – обрыв пленки
так всю жизнь и иду
к этой значительной этажерке...
второе раннее воспоминание:
я в доме у бабушки лены
где проводила очень много времени
стою опершись руками о кушетку покрытую ковром
и набираюсь решимости чтобы добежать
до белой голландской печи
это метра два-три —
бегу выставив вперед руки
и ладонями упираюсь в печь
она горячая ладони чувствуют ожог
думаю что именно благодаря
этому первому яркому ощущению боли
я и запомнила эту героическую пробежку...
и потом как лизнула на морозе
железную ручку входной двери...
как страшен мир как жгуч и интересен

та кушетка покрыта ковром
на кушетке лежит мой прадед
по-домашнему дедушка хаим
с паспортным псевдонимом
ефим исакович гинзбург
он не всегда лежал на кушетке
иногда вставал надевал на себя
шелковый белый талес с черными полосками
брал в руки книгу и молился:

ходил по комнате взад-вперед с книгой в руках
я сидела под большим столом
и старалась ухватить его за кисти талеса
а он с притворной строгостью
через улыбку отмахивался от меня
от этого талеса у меня сохранился
шелковый футляр
единственная материальная память о нем
да потрепанная Тора двуязычная
вильнюсского издания конца позапрошлого века
стоит на самой верхней полке стеллажа
где все ненужное
я была первая его правнучка
до следующих правнуков
трех мальчиков он не дожил
и любил меня неделимой любовью

помню прабабушку розу хаима жену
маленькую хорошенькую очень беленькую и в белой рубашке
поднимают ее с большой постели красного дерева
(тумбочка от этого гарнитура
подаренного бабушке на свадьбу
до сих пор у меня на кухне
а кровать я давно загубила выставив на балкон)
прабабушка стоит расставив тонкие худые ножки
из нее брызжет пенистая желтая струя
прямо в белый горшок,
который кто-то держит перед ней
а во мне впервые просыпается
чувство собственности это мой горшок...
и больше я ничего о ней не помню
только эта одна-единственная картинка
умерла она в сорок пятом году
мне было года два-три —
одно из первых воспоминаний

на этой же постели спустя несколько лет умирал и прадед
я уже не один раз описывала этот
важнейший в моей жизни момент:
соприкосновение со смертью любимого человека
и вообще первое приближение к точке
которая с годами становится все более важной
а картинка эта не только не мутнеет
а становится все четче
прадед лежал на этой самой кровати и умирал
вокруг него собралась вся семья:
два его сына, две невестки и дядя витя и дядя шурик
и еще кто-то кого не помню
мама привела меня с улицы прямо в шубе в комнату

дед совсем уже уходил
и глазами смотрел уже в ту сторону куда шел
и тут его стали тормошить:
дедушка дедушка люсенька пришла
и он как будто вернулся издалека
не сразу нашел меня глазами улыбнулся
и сказал какая большая девочка
шурик который тоже был тогда в комнате
много лет спустя мне сказал
что это не все что дед тогда сказал —
какая большая девочка все будет хорошо
но про “хорошо” я не запомнила

тут мама взяла меня за руку и повела домой —
у нас была отдельная комната в коммуналке
в соседнем доме
мама по дороге плакала
и я понимала что произошло что-то важное
слов “умер” “смерть” при мне не произносили
о том что он умер мне во дворе сказала девочка
несколько дней спустя:
это твой дедушка умер нет я сказала
да сказала она —
в вашей квартире дедушка умер
и я поняла что от меня скрыли
Аминь

во дворе жила еще одна еврейская семья,
помню толстого противного мальчика и его бабушку
сидящую в кресле возле кривой задней двери
убогой одноэтажки
и при мне разговор между прадедом и моей бабушкой леной его невесткой
он говорит что хорошо бы ему жениться на этой...
не помню имени...
сейчас задним числом понимаю
что старушка сделала ему предложение
бабушка лена перекусив нитку – что-то подшивает —
говорит папа зачем это вам
мы вас любим ухаживаем за вами
а чужая старушка в доме нам не нужна...
и прадед послушно кивает:
да да леночка...
было такое обыкновение у этих древнеевреев
соединять одиноких стариков
чтоб не скучали что ли...

красивая история
я из хорошей семьи я знаю это про моих стариков

во всяком случае про бабушку лену и прадеда хаима – благотворительность пошла от еврейской семейственности

была девочка женя безотцовщина
родившаяся у прадедовой родственницы иды в ленинграде
никто ее никогда не видел
прадед посылал ей свою пенсию
потому как дома его кормили поили
и деньги ему не нужны были
девочка была моложе меня года на три
и ей кроме дедовой пенсии
посылали мои вещи когда я из них вырастала
адрес их помню по сию пору
канал грибоедова дом шестьдесят три
ида присылала благодарственные и подробные письма
про свою дочку какая она прекрасная
а потом прадед умер и я помню
как моя бабушка лена много лет ходила
каждый месяц на почту и посылала
сумму равную прадедовой пенсии
этой иде до того времени
как девочка женечка не закончила институт
Аминь

и еще вот прадед ведет меня в детскую группу на миусы
не на сквер куда мы ходили группово гулять
а на квартиру к нашей бонне анне юлиановне
с немецким языком – гутен морген данке шён о майн гот...
дед нес военно-послевоенные судочки с обедом
мы всей группой у бонны обедали после прогулки —
саша хелемский маша и тania алигер и мальчик
которого я плохо запомнила но имя сохранилось
в уголке памяти – миша озеров
все писательские детки кроме меня
а я неписательская попала по случаю дружбы
моих родителей с семьей якова хелемского
фронтowego поэта – снимали пополам дачу в кратове...
долгое время хранилась фотография —
сидим мы с сашей трехлетние рядом на горшках
с приветливо-безмятежными лицами
а потом повзрослели и окончательно поняли разницу
между М и Ж и стали писать отдельно
хелемский сегодня придет ко мне ужинать
у него брак на удаленке жена-гречанка живет в своей греции
а самолеты не летают
я котлеты пожарила и суп сварила

нет, нет, никакой хронологии, как бог на душу положит

первый мой дом был бабушкин —

уплотненная квартира на каляевской улице
которая прежде была долгоруковской
и теперь снова долгоруковская
“родовое гнездо” во флигеле
второй этаж лестница винтовая
квартира почти барская почти не коммунальная —
подселили одно еврейское семейство коганов
кажется еще до войны в крайнюю от входа комнату
мирное сосуществование омраченное
тайным раздражением или завистью
или дело было в том
что ася коган была дочкой резника
и соблюдала кашрут
а наша семья не соблюдала
тем более что бабушка в гимназии
проходила домоводство
и ее научили что лучшие котлеты
следует делать из трех сортов мяса —
говядины баранины и свинины
а это достойно только презрения
со стороны настоящих евреев

при кухне был чулан
в котором спала домработница
а под винтовой лестницей тоже был чулан
там стояли бывшие вещи —
золоченый столик трельяж
бессмысленный антиквариат

в столовой за большой стол
садились по воскресным дням
от девяти до двенадцати человек не меньше
домработница вносила супницу
потом блюдо со вторым
за стол она не садилась
когда я много позже спросила бабушку
почему домработниц за стол не сажали
она ответила неожиданно:
да они стеснялись при нас есть
им на кухне было гораздо удобнее
ели все ложками сколько влезет
иногда из общей посуды

помню настю самую старшую из всех домработниц
она попала в наш дом тайно беременной
от предыдущего хозяина
живот ее был подвязан при найме полотенцем
чтобы было незаметно
родила девочку и сдала в дом ребенка

навещала ее каждое воскресенье
а когда девочке исполнилось пять лет
настя вышла замуж за вдовца с пятью детьми
и забрала наконец свою дочку
однажды я помню пришла настя в гости
со своим мужем и несколькими детьми
бабушка их принимала как хороших гостей
в столовой накрыла стол и сама подавала...
Аминь

палатка была большая на восемь девочек
это была практика в чашникове после первого курса биофака
маленькая армянская женщина знакомила нас с растениями называя их по имени и фами-
лии как людей

триста растительных лиц мы должны были запомнить и сдать
а другой преподаватель знакомил с птицами
их голосами и характерами
но полюбила я только ворон гораздо позже
сначала как соседей – они свили гнездо
напротив моего кухонного окна
и я наблюдала за ними весь тот сезон
и глаз не могла отвести
от их осмысленной и умной жизни
теперь дерево это подрезали
и как раз спилили ту развилку между ветвями
где каждый год устраивали вороны гнездо
теперь они живут с другой стороны дома
там больше деревьев и выбор их правильный
но теперешнее гнездо не так близко к окну
и разглядывать их жизнь стало труднее

кабинетная швейная машинка зингер
подаренная бабушке на свадьбу в 1917 году
стоит теперь у меня как предмет мемориальный
я давным-давно сама не шью
и вообще ношу вещи десятилетиями
и к новым долго привыкаю
машинка была кормилицей семьи все годы
что дед сидел в лагерях
и после его возвращения тоже
машинка пережила вместе с семьей эвакуацию
бабушка шила на людей не на местных конечно
а на таких же эвакуированных
больше перешивала и перелицовывала
у нее были руки и глаз

старость обезобразила ее прекрасные умные руки
налезавшими друг на друга буграми суставов
и скрюченными пальцами

а зрение до конца держалось
бабушка елена закончила гимназию
с золотой медалью – значок памятный у меня хранится – витая монограмма КЖГС —
калужская женская гимназия саловой
бабушка хотела пойти учиться
на высшие женские курсы в москве
но дома ей сказали что отпустят
только если она выйдет замуж
и привели жениха который ей очень понравился
поженились переехали в москву —
ученья не получилось
потому что через год в 1918 году
родилась моя мама
а не родилась бы – и меня не было
и вас, мои дети и внуки
в квартире на каляевской было пианино
перед ним крутящийся табурет
а на полированной спине пианино подсвечник —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.